

СОЦИАЛЬНЫЙ АКТИВИЗМ И ТЕРРОРИЗМ В ЕВРОПЕ¹

Михаил Решетников

ректор Восточно-Европейского института психоанализа
доктор психологических наук, профессор (rector@oedipus.ru)

Введение

Несмотря на то, что прагматически ценного для преодоления фанатизма и терроризма предложено не так уж много, теорий в этой области более чем достаточно. При этом характерная особенность большинства из них состоит в том, что они разрабатываются на уровне здравого смысла, одновременно с этим апеллируя к явлениям, выходящим далеко за рамки обыденной жизни. Как представляется, и первый и второй подходы не вполне адекватны, ибо, когда мы переходим к понятию «фанатизм», то тем самым заведомо обозначаем, что обращаемся к сфере иррационального, а при более пристальном взгляде мы не можем не замечать, что те или иные социальные эквиваленты терроризма присутствуют повсеместно.

Исходная гипотеза

В 2003 году S. Twemlow и F. Sacco² высказали предположение, что социальный активизм, фанатизм и его переход в идеи мученичества и терроризма – это явления одного порядка, а иногда – и звенья одной цепи. Этими же авторами была предложена гипотеза о существовании неких «особых социальных факторов», ответственных за формирование террористов. Сформулированные идеи показались мне чрезвычайно интересными, но, большей частью оказались лишь провокативными. Тем не менее, они позволили кое-что додумать и переосмыслить то, что уже было в моих предшествующих разработках и публикациях (1-7).

Немусульманский и немеждународный терроризм

Вероятно, будет излишним напомнить, что хотя мы справедливо говорим о международном терроризме, на территории собственных государств мы гораздо чаще сталкиваемся с фанатизмом и терроризмом своих же сограждан. На один крупный международный теракт приходится сотни «локальных». По сути, эти «два» вида терроризма отличаются только масштабом угроз, жертв, требований и освещением в СМИ. Но мы почему-то не замечаем этих «параллелей». В результате наше продвижение к пониманию ряда социальных процессов явно тормозится тем, что мы все время чего-то не домысливаем и не договариваем.

Палестинизация Европы

Почему мы все время говорим только о мусульманском терроризме, и не ставим вопрос о повсеместном росте террористического мировоззрения и случаев террористического поведения в самых немусульманских странах? При этом иногда мы стыдливо подчеркиваем национальную принадлежность террористов, но одновременно «вытесняем», что речь идет именно о наших согражданах, родившихся, получивших образование и воспитание в нашей

---

¹ В основу статьи положен доклад, представленный на сессии советников «Россия-НАТО» (23.06.05), затем частично дополненный с учетом лондонских событий 7 июля 2005 года.

² Twemlow S.W. & Sacco F.C. Reflections on the Making of a Terrorists / In the book: Terrorism and War, Edited by V. Volcan, 2003. -pp. 97-123.

же добропорядочной среде. Речь идет как бы «не о совсем европейцах» или «не о совсем согражданах». Это что-то новое в нашем демократическом лексиконе. Особенно на фоне того, что по данным доклада Госдепартамента США 2002 года за последнее десятилетие почти треть (31%) всех террористических актов произошли на территории Европы, и эта ползучая экспансия пока не имеет тенденции к снижению. Почему?

Феномен «чегеваризма»

Общеизвестно, что террористы-фанатики – это преимущественно молодые люди. Но их террористическое мировоззрение не сформировалось в одночасье. Таким образом, мы должны предполагать, что предпосылки этого мировоззрения должны находиться где-то в подростковом периоде, когда все мы (после предшествующего периода идентификации с родителями) переживаем «кризис переоценки и самоутверждения» со склонностью подвергать сомнению все устоявшиеся нормы и правила в сочетании с юношеской агрессивностью.

При нахождении в здоровом социуме этой естественной психологической потребности противостоит консолидированная позиция взрослого большинства (и стабильное государство, как одна из важнейших «родительских структур»), и постепенно новое поколение становится социально более адаптивным. Но ситуация принципиально меняется, когда и это (взрослое) большинство оказывается в состоянии «кризиса переоценки», «пересмотра всех устоявшихся норм и правил» и т. д., что характерно не только для всего бывшего «социалистического лагеря», но и для *всего мира, который входит в новую эпоху и переживает системный кризис смены парадигмы развития одновременно со сменой национальной и конфессиональной составляющих европейской популяции* (3, 4, 6, 7). В этой ситуации естественная (возрастная) агрессивность одних не только не встречает адекватного противодействия, но и катализируется ситуационной агрессивностью старшего поколения (и уходящей и приходящей популяции).

Далеко не праздный вопрос: почему кумиром множества социальных активистов самого различного толка и террористов (одновременно) стал фактически один человек: сын плантатора, в 12 лет впервые выступивший против унижения школьным учителем, затем – врач по образованию и, по моим представлениям, безусловно, террорист, который на всех мировых сайтах характеризуется как «человек высокой душевной чистоты и беспримечной самоотверженности»? Это именно тот социальный образец, которому следует подражать? И есть ли в молодежной среде социальных активистов у него достойные конкуренты?

Российский и будущие примеры «развитых демократий»

Мной уже не раз обосновывалось, что все современные демократии находятся в затяжном периоде «стагнации» (6, 7), хотя эти процессы в западном мире пока не слишком очевидны. Поэтому обратимся к более «динамичному» примеру, а точнее – российскому опыту.

Привнесенная демократия (с немедленно гарантированными Конституцией всеми правами и свободами), при отсутствии демократической традиции и сохранении тоталитарного типа самосознания социума (2), создает особую «питательную среду» для размножения вируса интолерантности и терроризма. В кратком варианте это трудно обосновать, но, безусловно, особо подверженной заражению этим вирусом оказывается категория уже упомянутых социальных активистов (во всяком случае, никто не заподозрит в террористе «пассивную личность»). Аналогичные процессы идут и закономерно будут «развиваться» во всех, прежде всего - «нетрадиционных», а затем – и в традиционных «демократиях», где все еще существует иллюзия о том, что их (или наши общие - европейские) демократические

ценности всем сердцем будут восприняты всеми слоями эмигрантов с Востока и Юга. Ирак или Англия – далеко не последние примеры. А если не воспримут? Что будем делать?

Простреленные идеалы

При современном военно-экономическом уровне сверхдержав, захват территории или подрыв экономики в том или ином регионе - это уже чисто «техническая» задача. А как быть с идеалами тех, кого захватили или подчинили? Много ли известно массовых случаев обмена идеалов и веры на бутерброды, джинсы или даже мерседесы? Мы нарциссически уверены, что неевропейские страны (или эмигранты с Востока) страстно мечтают присоединиться к нашим идеалам. Так ли это? Если да, то почему мы постоянно твердим, что они угрожают нашему образу жизни? А мы – их? А если идеалов, которые составляют неотъемлемую часть личности (как рука или нога – часть тела), лишают насильно, не наивно ли ждать за это благодарности со стороны травмированных миллионов? При самом лучшем исходе сражений мы сожалеем о тысячах погибших и покалеченных. Но кто может ответить: как отзовутся в веках расстрелянные идеалы?

Наша история, если мы все еще люди – это история идей. Они у вас есть? Для Ирака или еще для кого-то? Предлагайте. Убеждайте. Доказывайте. Почему этого не делают? Почему ставка зафиксирована исключительно на подавлении? А из международных масштабов этот принцип все более явно транслируется и «для внутреннего употребления». И все это – на пути к дальнейшему развитию гражданского общества? Сомневаюсь. Где мы собираемся его строить? На поле боя?

Главные инвесторы терроризма

Вернемся к внутренним вопросам. Если культура, социум или наличная власть не принимает, не обсуждает или исходно отвергает идеалы обиженного или даже просто - потенциального социального активиста, он легко может трансформироваться в социального фанатика. Мы видим, что в 2004-2005 именно молодежь в ряде новых стран, образовавшихся после распада СССР, оказалась основной силой социальных взрывов и катаклизмов. Как представляется, из этого опыта еще не сделано должных выводов. Особенно с учетом неоднозначности подходов и оценок: победившие социальные активисты обычно провозглашаются героями, а побежденные – чаще всего преступниками.

Неочевидная легитимность современной модели европейских государств

Мы почему-то упорно не хотим замечать, что не только на постсоветском пространстве или в афро-азиатском регионе, а везде в мире наблюдается кризис легитимности государственной власти и ее институтов. Мной уже не раз поднимался этот вопрос (6, 7), и здесь я предложу только еще одно объяснение. Перед каждой личностью появилось слишком много угроз: экологического, техногенного, социального и криминального происхождения, от которых власть не может защитить (а точнее – от которых и она сама оказалась беззащитной). В связи с этим граждане постепенно «переориентируют» свою лояльность на другие общественные институты: этнические группы, расы, религии и т. д. (вплоть до сплоченности футбольных фанатов, находящихся в ней иллюзию защищенности и силы, и – одновременно – канал, позволяющий дать выход агрессии). Государство в свою очередь усиливает свой прессинг и контроль над «плохими гражданами», а те в ответ начинают противодействовать этому контролю и прессингу.

О роли армии

Параллельно во всех странах (как результат последовательного развития демократии?) растет роль и мощь государственно-охранительного аппарата, так как армия не готова и не может решать такие задачи (она вообще не для этого). Тем не менее, армии тоже повсеместно усиливают. Неужели не понятно, что это ничего не даст. - Уже неважно, произойдет ли расширение НАТО на Восток или на Юг, или не произойдет, коренным образом ситуацию это не изменит. Здесь мы явно остаемся в плену иллюзий ушедшего в историю расколотого мира и противостояния сверхдержав. А противостояние уже не «локальное» и не «векторное»; оно – по всему «периметру» и, как мне представляется, не вне, а внутри государств, общественное устройство которых уже неадекватно запросам новой исторической эпохи. Простейший вывод лежит на поверхности: «Надо укреплять государство!» Так ли? Вряд ли кто-то может усомниться, что СССР был мощнейшим государством. Сильно ли это ему помогло?

Священная корова

Нельзя не замечать и другого: на фоне последовательного усиления государственно-охранительного аппарата во всех развитых странах, граждане чувствуют себя все более незащищенными. Если довести этот тезис до крайности и апеллировать к преобладающим чувствам населения, то получится следующий (мягко говоря – мало приятный) вывод: государство еще может кого-то наказать, но в ряде случаев и ситуаций оно уже почти никого не может защитить, включая депутатов, мэров, банкиров, олигархов, губернаторов и президентов, которых убивают десятками каждый год (что уж там о простых гражданах в метро). И как Вам такое государственное устройство? И все равно – никто даже не заикается о кризисе демократии – «священная корова». Для кого?

Простейшие наблюдения показывают, что во многих странах обнаруживается тенденция некоего злорадства в отношении ослабления государства, его институтов и лидеров, со склонностью винить во всех смертных грехах последних. Это вряд ли рационально. Известное выражение: «Государство – это я», - не более чем красивая фраза. Государство – это мы. И когда оно страдает, мы все – не в лучшем положении. Это повод для серьезных размышлений, а также для поиска и последовательного развития новых форм кооперативных отношений государства и граждан.

Ключевой вопрос

Ключевым вопросом для любого культурного сообщества (тем более - для многонационального и поликонфессионального, каковым сейчас становится вся Европа) является то: как, куда, кем и каким образом направляется, модулируется и контролируется нормальная социальная активность (в том числе – оппозиционного регистра) и нормальная социальная агрессивность? Еще раз повторю: этот вопрос является ключевым. Так как, если не происходит адекватной разрядки вышеупомянутых потребностей на социально значимые цели (а сама потребность, также как и потребность в ее реализации остается), они легко маргинализируются и принимают иные формы – вплоть до патологических проявлений в форме узко национального «идейного единства», или агрессивности и фанатизма малых (но не таких уж малых) групп или даже «протестов» одиночек. Ни для кого не секрет, что национальная идея является самой мощной для идентификации и консолидации, и неуничтожимой. В постнацистский период мы (ученые) стыдливо отмежевались от национальных вопросов, как от неприличных, как будто нацизм – это единственный вариант их решения, но они не исчезли. И есть масса достойных вариантов их решения.

Мы почему-то не замечаем, что живем в обществах, где агрессивность поощряется, и даже более того, низкий уровень агрессивности, как индивидуальная или национальная черта, в некоторых случаях подается как негативное качество (например, в известных фразах «о горячих эстонских или финских парнях»). Много ли исследований на эту тему?

Кого мы пиарим?

Практически все, кто пишет о терроризме, очень часто упоминают, что мы сильно проигрываем ему в информационной войне. Это полуправда. Мы, фактически, проиграли. И даже не информационно, а, прежде всего - с точки зрения идей и эмоционального лидерства. Нет нужды подробно раскрывать этот тезис. Достаточно прочитать речи духовных лидеров террористов – они (даже не озвученные) наполнены интонациями, возвышенным смыслом, любовью к Богу и Человеку, эмоциональны и вдохновенны. Как это уживается со средневековыми (с нашей – европейской – точки зрения) призывами к насилию, это уже другой вопрос. А затем прислушайтесь к обращениям наших лидеров. Много ли в них любви и вдохновенного чувства? Нет ли ощущения, что мы утратили некую духовную опору, о чем страстно писал в связи с проектом объединения Европы покойный Папа Иоанн Павел II, когда из европейской конституции было исключено положение о христианских корнях будущего сообщества? И еще один вопрос: почему неудачи с объединением (пусть и полураспавшегося) христианского мира воспринимаются нами так трагически, а попытки объединения мусульман – исключительно угрожающе?

Бездумное упование на некое «нивелирование» межнациональных отличий в результате культурного обмена и влияния якобы всесильных СМИ, также как и попытка управлять социумами посредством умалчивания, полуправды или манипуляций, как показывает недавний советский опыт, где контролировалось все, не более чем иллюзия. Если внимательно взглянуть в содержание ведущих информационных каналов сверхдержав, якобы апеллирующих ко всему миру, то легко заметить, что мы уже давно пиарим только самих себя (европейцев) и свои ценности, но успех этой многомиллиардной кампании в мировом масштабе (где нас – европейцев - около 30%) вряд ли будет больше, чем от тысячекратно транслированного «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи». Неужели так трудно понять, что нельзя напиарить или распиарить цивилизационные процессы?

Умирать – за что?

Нашими общими усилиями мы создали прекрасную материальную и духовную культуру, получившую наименование Европейской. Но она не единственная. В последнее столетие мы начали вначале объединять, а затем и путать культуру с техническим прогрессом, а чуть позднее – технический прогресс с цивилизационным процессом? Нет ли здесь заблуждения? Или даже ряда заблуждений? Действительно ли весь неевропейский мир страстно мечтает присоединиться к нашей преимущественно благоухающей (а местами – все-таки: дурно пахнущей – наркотиками, алкоголем, безверием и продажностью) цивилизации? А если нет - не хотят? Какое наказание ждет инакомыслящих со стороны тех, кто столетия отстаивал право на инакомыслие? Мы, где молчаливо, а где без ложного стыда - открыто признали, что живем в обществе потребления. Да, можно потратить всю жизнь, чтобы иметь как можно более широкий доступ к этому потреблению, чтобы иметь еще один дом или дворец, еще одну или две машины, еще один миллион или миллиард..., но умирать за это - нельзя. Умирать можно только за идею. Назовите мне такую, общую для всего нашего евро-американского сообщества?

Распад государств как прогресс

Что консолидирует нацию? Совсем не границы (независимо от того «открыты» они или задернуты «железным занавесом»), не флаг, не гимн, и не гражданство. Прежде всего: общность истории, языка, культуры, традиции и – самое главное: обращенность в общее (для всей нации) будущее, которое вначале существует только как идея. Есть ли это сейчас? А когда мы говорим о многонациональных государствах, где общность истории, языка, культуры, традиции исходно отсутствует или была вынужденной и временной (а толерантность почти всегда больше декларируется, чем существуют реально) – остается только общее будущее, и оно должно обладать равной привлекательностью для всех национальных и религиозных групп. Во всех остальных случаях «разложение» и распад неизбежен. Но стоит ли этого бояться? Был ли распад Римской или Австро-Венгерской империй исторической ошибкой или все-таки прогрессом? Не относится ли это в равной степени ко всем существовавшим и существующим империям, включая такую виртуальную империю как «страны НАТО», где количество мусульманского населения уже достаточно значимо и будет последовательно возрастать?

Здесь уместно вспомнить не лишнее оснований мнение Френсиса Фукуямы о том, что напряжение между различными общинами в социуме объясняется не столько разными стартовыми возможностями, сколько отличиями менталитета. При этом характерно, что проблема, например, «белых и черных» на протяжении длительного периода нарциссически воспринималась в американском обществе не как проблема разных ценностей (и их взаимной адаптации), а почти исключительно как проблема снисходительного согласия белого большинства принять в свой круг черных, разделяющих *их* ценности. Не повторяется ли та же ситуация с мусульманским меньшинством в европейских странах? Пока – меньшинством, но уже достаточным для того, чтобы в некоторых из ведущих европейских стран появились целые районы, где вообще не употребляется язык титульной нации и действуют совсем другие законы. Может быть, стоило бы более серьезно подумать о проблеме регионально, национально и религиозно адаптированного законодательства для всех многонациональных и поликонфессиональных государств?

Терроризм – это следствие чего?..

Вернемся к главному вопросу: будущие поколения и тому, на основе чего и как формируется «террористическое мировоззрение»?

К сожалению, у нас нет статистики и серьезных психологических исследований социального терроризма подростков, который буквально захлестнул Россию после первых терактов. Но наши американские коллеги, уделившие звонкам о минировании школ и убийствам, совершенных подростками в период после сентября 2001, более пристальное внимание, в большинстве случаев обнаружили, что ведущими мотивами «малолетних террористов» являлись: протест против давления властных структур (собственных – юношеских организаций или преподавательских состава) и обесценивание человеческих отношений. Разве не те же факторы (даже на вскидку) проявляются в расстрелах сослуживцев в армейской среде? Еще раз повторим: протест против давления властных структур и обесценивания человеческих отношений принимал самые различные формы – от, казалось бы, безобидных, до поражающих своей жестокостью. При одних и тех же побуждающих мотивах. С этой точки зрения уместно задать еще один вопрос: так ли уж сильно отличаются анонимный звонок о мнимом минировании школы от расстрела одноклассников или массового захвата заложников? Количественные ли это отличия или качественные (с точки зрения мотивов преступления и способствовавших ему факторов)?

В данном случае мы не говорим о противодействии терроризму – те, кто стали на этот путь и уже запятнали себя кровью, вряд ли повернут назад. - Ничто не внушает такого оптимизма. Но можно ли предложить какие-либо механизмы профилактики развития террористического мировоззрения и следующего за ним действия? В обществе существует достаточно широко распространенная точка зрения, что «терроризм – это следствие деятельности террористов». Не заблуждение ли это? И даже если принять эту точку зрения, как верную, то тогда возникает второй вопрос: а следствием чего является появление самих террористов и террористического мировоззрения?

О чем стоит подумать?

Может быть, нам стоило бы больше думать о том, созданы ли реальные условия для того, чтобы социальные активисты (прежде всего – молодые люди) имели возможности для выражения своих мнений и точек зрения (каковы бы они ни были)? Существуют ли в современных обществах действенные механизмы, которые позволяют отдельным людям, профессиональным, религиозным или национальным группам быть услышанными? Возможно ли вообще создание такой ситуации, которая будет побуждать социальных активистов самого различного толка к сотрудничеству? Как обеспечить формирование более безопасной, ответственной, надежной и более прогнозируемой социальной атмосферы, где люди смогут актуализировать свои цели и потребности, не прибегая для утверждения своих идей к ущемлению свободы окружающих?

Как известно, одним из «лозунгов» террористов является: «Чем больше жертв, тем скорее они поймут». И, несмотря на безусловный цинизм этой фразы, может быть, стоит предположить, что мы чего-то не понимаем или не хотим понять? В предыдущих работах мной уже обосновывалось, что, этническая группа или народ, который подвергся оккупации, колонизации или репрессиям со стороны враждебной (иной этнической) группы, а затем, получив свободу, осознал, что обречен существовать на обочине истории и цивилизации, вряд ли сможет смириться с этим положением и будет «протестовать» всеми доступными ему средствами (4). Террорист-смертник – это не только невыносимая жестокость и варварство. Это еще и послание. Почему бы не спросить: «Что мы должны понять?» Есть типичное возражение: «Мы никогда не примем языка угроз». А разве мы уже не говорим с ними на одном и том же языке? Куда это приведет?

Внеэкономические факторы размежевания

В силу довлеющих представлений мы склонны видеть в терроризме почти исключительно экономические составляющие. Мы явно недооцениваем роль идей. Трудности объединения Европы исключительно на платформе экономизма хорошо известны. Объединенными усилиями мы строим мосты, дороги, школы, но смысловое пространство Европы и мира уже давно производит впечатление то ли недостроенного, то ли уже разрушающегося. Гуманитарные идеи и ценности составляли стержень европейской цивилизации. Нет ли у коллег ощущения, что эти ценности сейчас подвергаются переоценке или даже обесцениваются, несмотря на их повсеместную декларацию?

Нельзя не признать, что, преуспев в познании физических законов Природы, мы лишь интуитивно кое-что начинаем понимать в ее социальных законах. Мы пришли к началу XXI века со своим весьма противоречивым и пока мало осмысленным багажом, а эмоции – все еще бесконечно преобладают в мире, и нам лишь кажется, что он управляется на основе научных подходов.

Повторю еще раз. Именно гуманитарные ценности составляли стержень или «каркас» Европейской цивилизации. Что такое здание без каркаса в нашем бесконечно сотрясающемся мире? Нам кажется, что мы живем под защитой купола этой цивилизации, но, может быть – мы уже под ее обломками?

Вместо заключения

И последнее. Мы легко находим лидеров террористов, с которыми оказывается можно вести переговоры, когда захваченными оказываются известные журналисты или общественные деятели. Повторю, мы находим в этих случаях и влиятельных лидеров террористов, и нужные слова, и убедительные аргументы. Почему бы не говорить с ними чаще? Может быть, мы имеем дело с двумя подобными паранойями - с их, и с нашей стороны? Нам есть над чем подумать. Особенно, если сохранять надежду, что в нашем далеко не простом мире мы обречены не на конфронтацию, а на диалог и понимание.

Литература

1. Решетников М.М. Психопатология героического прошлого и будущее поколения. - Журн. “Прикладная психология” № 4 '98. - М.: Магистр. - С.36-42.
2. Решетников М.М. Современная российская ментальность - М.: Российские вести, 1996. – 86 с.
3. Решетников М.М. «Глобализация – самый общий взгляд» и «Исламское противостояние и проблема терроризма». В кн. Решетников М.М. «Психодинамика и психотерапия депрессий» - СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2003. – С. 107-155.
4. Решетников М.М. Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов (Социально-историческая психиатрия) / В кн.: «Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора». – Материалы 1-ой Всероссийской конференции. - СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. – стр. 37-64.
5. Решетников М.М. Общие закономерности в динамике состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных ситуациях с витальной угрозой. Отделенные последствия и реабилитация пострадавших / Методическое пособие для врачей, психологов и педагогов. – СПб., 2004. – 26 с.
6. Решетников М.М. Современная демократия: тенденции, противоречия, исторические иллюзии. В кн. Психология власти. Материалы международной конференции «Психология власти» / Под. ред. проф. А.И.Юрьева. – СПб.: Изд-во СПб.ГУ, 2004. – с. 68-76.
7. Решетников М.М. Демократия, терроризм и гражданское общество: тенденции, противоречия, исторические иллюзии // Журн. «Телескоп» № 6-2004. –с. 2-6.
8. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». В кн. Зигмунд Фрейд «Я» и «Оно» - Труды разных лет. – Тбилиси: «Мерани», 1991. Т.1 стр. 71-85.
9. Ясперс К. Общая психопатология. Пер. с нем. Л.Акопяна. – М.: Практика, 1997. – С. 851
10. Apprey M. Heuristic steps for negotiating ethno-national conflicts: Vignettes from Estonia. - New Literary History: Journal of Theory and Interpretation, 1996, #27: 199-212.
11. Fukuyama F. The End of History, Five Years Later. - J. History and Theory, vol. 34, 1995, n. 2, pp. 27-43
12. Volkan V. Bloodlines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism. – New-York: Farrar, Straus and Giroux, 1997.
13. Volkan V. Traumatized societies. / In: Violence or Dialogue? Psychoanalytic Insight on Terror and Terrorism. – London, International Psychoanalytic Association. 2003. –pp. 217-237